

Лауреат премии
«Золотой РосКон»

Читайте в серии:

«Повелители Вселенной.

Лауреаты премии Bookscriptor»

Денис Калдаев «Семь миллионов сапфиров»

«Повелители Вселенной.

Лауреаты премии «Новые горизонты»

Андрей Лях «Челтенхэм»

«Повелители Вселенной.

Лауреаты премии «Золотой РосКон»

Марина и Сергей Дяченко «Пандем»

Олег Дивов

НОЧНОЙ СМОТЯЩИЙ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д44

Разработка серийного оформления
и иллюстрация на переплете *А. Ивановой*

Дивов, Олег Игоревич.

Д44 Ночной смотрящий / Олег Дивов. — Москва :
Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-103875-5

Это жесткий, кровавый, горький и очень лиричный текст. Задуманный как «правдивая история о вампирах», роман в итоге стал каким угодно, только не «вампирским». Нет, вампиры там есть. Они живут, страдают, любят, ненавидят, радуются, убивают, гибнут... Но гораздо интереснее то, что творится вокруг них. То, что происходит с людьми. И с не совсем людьми. Вместо меча — топор. Вместо магии — крепкое слово. Больно и страшно будет всем.

А чтобы история получилась убедительнее, автор столкнул лбами «деревенскую» и «городскую» прозу, смешал жанры, нагнал жути и тумана. И когда под конец все загадки оказываются разгаданы, это уже не очень важно, потому что в первую очередь «Ночной смотрящий» — роман о выборе пути.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103875-5

© Дивов О., 2019
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

ПОЙМАТЬ ЗВЕРЯ

Глава 1

Рейсовый автобус до Зашишевьа отменили еще зимой. И летом маршрут не восстановили.

— А незачем, — объяснил Лузгину милиционер на вокзальной площади, немолодой и заметно поддатый сержант. — Вы-то чего там забыли? Кстати... Можно документики ваши?

Лузгин секунду помедлил и вытащил паспорт.

— И на ружье попрошу.

— Вот, пожалуйста.

Сержант раскрыл паспорт и глубокомысленно изрек:

— Ага!

— Да-да, я тут родился. У меня в Зашишевье дом. Бабушкин еще. Приезжаю иногда отдохнуть и на утку сходить.

— На утку сходить... — эхом повторил сержант.

— Поохотиться, — на всякий случай уточнил Лузгин.

— Рановато вы. До сезона еще месяца полтора, если не два.

— А я и не тороплюсь.

Сержант оглядел Лузгина с ног до головы, будто оценивая, из торопливых тот или нет.

— Говорят, хреновая в тех местах охота стала, — бросил он, снова утыкаясь в документы.

— Это кто говорит? — хмыкнул Лузгин.

— Да все говорят. Утка теперь больше на Голубых Озерах. А под Зашишевьем ни утки, ни зверя нет. Утиные гнезда паводком затопило по весне. А зверя волки, наверное, заели. Волки там шалят, знаете?

— Ну, это зимой...

— И летом тоже.

— Летом? — изумился Лузгин. — Волки?

— Так глухомань же, чего бы и не пошалить. Вот туда даже автобуса нет. Потому что незачем. Сколько там дворов-то жилых?

— Ну-у... В том году я не был, не получилось. А в позатом десятка три.

— Загибается ваше Зашишевьё, — сказал милиционер, возвращая Лузгину документы. — И если б только оно. Всё просрали москвичи-демократы. Пидоры.

Лузгин несколько раз крепко моргнул.

— Да, тут еще собаки бешеные в пригороде бегают, — продолжал сержант. — В пригороде и в старой промзоне, там вообще целые стаи. Мы всех предупреждаем, вы осторожнее. Второе лето подряд такое безобразие. Их лисы бешеные кусают, собаки людей кусают, люди бесятся и тоже кусаются...

Лузгин надолго зажмурился.

— Как добираться-то в Зашишевьё думаете? Не повезет ведь никто. И попутки в ту сторону не дождешься. Разве какой зашишевский в город выбрался — доски вроде они возят, так его еще найти. А полсотни верст пехом... Может, ну на фиг? Честное слово, ехали б вы, скажем, на Голубые Озера.

— Я на родину и пехом могу, — хмуро пообещал Лузгин.

— К ночи-то не успеете, — сказал сержант. С непонятным каким-то значением сказал. — У вас хоть

патроны нормальные есть? Что на утку — пятерка, четверка от силы...

— Три ноля вам хватит? — Лузгин начал злиться.

— Мне-то хватит, — ухмыльнулся сержант. — А там — кто его знает... Ладно, счастливого пути.

Привязчивый милиционер козырнул и ушел по своим делам. Лузгин, чертыхаясь под нос, двинулся к заметной издали группе привокзальных извозчиков.

Те его разве что на хер не послали.

— Триста, — объявил Лузгин внушительную по здешним меркам сумму.

— Долларов? Или этих... Йврей? — рассмеялись ему в лицо.

— В чем дело-то, мужики? — попытался втереться в доверие Лузгин.

— Да ни в чем. Просто не ездим мы туда. И никто не поедет.

— Почему?! Вы еще скажите, там волки!

— Какие, в жопу, волки...

— А что тогда?!

— Слушай, друг, отстань, а? Сказано тебе — на Зашишевы не ездим. Дорога херовая.

Лузгин оглядел потрепанные машины извозчиков и скривился.

— Думаете, я не знаю, по каким вы дорогам на «Жигулях» рассекаете? Да там не всякий грузовик пройдет!

— А на Зашишевы — херовая.

Лузгин демонстративно сплюнул и зашагал прочь.

— Эй, москвич! — крикнули ему в спину. — Вон, гляди, дедушка подвалил. Ты с ним попробуй. Дедушка у нас отмор тот еще. Он тебя не только в Зашишевы, он хоть прямо в само Филино отвезет!

И извозчики хором заржали, будто сказано было что-то очень смешное.

Дедушка оказался и вправду дедушкой. При ржавом насквозь «Запорожце».

— В Зашишевье не повезу, ты понял, — твердо заявил он. — А вот до зашишевской поворотки...

— Хоть туда! — взмолился Лузгин, втайне надеясь по пути уговорить деда проехать дальше. От поворота с асфальта до деревни оставалось еще верных двадцать километров по грейдеру через лес.

— Двести рублей.

— Легко, — бросил Лузгин, ныряя в машину.

* * *

Уже за городом дед спросил:

— По делам или как?

— В отпуск.

— А-а... — протянул дед и отгородился от пассажира такой стеной, что Лузгин ее почти физически почувствовал.

— Я сам вообще-то местный, — сказал Лузгин. — Из города. Просто родители в Москву перебрались, когда я школу заканчивал. А в Зашишевье бабушка моя жила, дом от нее остался. Почти каждое лето приезжаю.

— А-а... — повторил дед, но стал вроде бы поближе.

— Вот поживу спокойно месячишко-другой, а там сезон откроется, уток постреляю...

— Охотник, значит? — хмыкнул дед. — А я думал, зачем ружье, ты понял. Думал, по делу. Поживешь ты в Зашишевье, как же... спокойно.

— По делу?.. — переспросил Лузгин.

— В том году-то не приезжал ты, — сказал дед.

— Да, не приезжал. С работой закрутился. А вы..

— Возил я туда в том году. Тоже вроде тебя — москвичей. Один я возил, другие зассали, ты понял. Двоих возил с ружьями. А тебя не было.

— Да, меня не было. Правда, я на машине обычно. А что эти двое?..

— Говорю — москвичи, — объяснил дед и умолк.

Лузгин вздохнул. Он слишком хорошо знал местных, чтобы надеяться теперь хоть на обрывочную информацию. Здесь умели великолепно сплетничать, но если по какой-то причине образовывался заговор молчания... Сицилия с ее знаменитой «омертой» могла идти далеко и надолго. Одна радость — в Зашишеве ему, как своему в доску, конечно же, все объяснят.

Вот только добраться бы туда.

Дед гнал, «Запорожец» неприятно плавал по дороге. Под колеса летел щербатый кривой асфальт. Лузгин увидел знакомый столб и приготовился не пугаться. Неподалеку затаилась подленькая незаметная промоина, на которой внезапно теряли управление и резко дергали вправо передним мостом все без исключения автомобили, невзирая на марку и тип привода.

Машина опасно вильнула. Лузгин испугался.

— Вот блядство, ты понял, — произнес дед лениво.

— Хреновая дорога, — поддержал тему Лузгин.

— Дорога нормальная. Гонять не надо.

— Не бывает на нормальной дороге поворотов с обратным профилем, — фыркнул Лузгин. — Таких, чтобы машина на отрыв шла. А эта вмятина? Главное, ее не видно совсем, а тачка обязательно вильнет. Сама. И любая. Я тут на разных ездил. Пару раз с перепугу чуть в канаву не улетел.

- А сейчас чего пешком?
- Машину жене оставил.
- Потом жена приедет?
- Не приедет, — отрезал Лузгин.
- Ты попусту не огрызайся, парень, — сказал дед строго. — Человека не сразу видно, ты понял. А я тебе добра желаю. Ты вроде нормальный.
- Вроде, — согласился Лузгин.
- В городе люди пропадают, ты понял.
- Они везде пропадают, — заметил Лузгин осторожно. — По России до ста тысяч в год пропавших без вести.
- Ско-олько?! — недоверчиво протянул дед.
- Официально шестьдесят-семьдесят тысяч. Ну, сами догадываетесь, как занижены официальные цифры..
- Ты-то откуда знаешь?
- Слышал где-то.
- Это у вас в Москве говорят?
- Говорят.
- Да-а, однако... Ну, у нас-то немного пропадает, конечно. И так, шелупонь разная — бомжи, пьянь, тюремщики. Но мы же их знаем всех — а они пропадают, ты понял. А бывает, и приличные люди. У меня сосед через два дома — ушел по весне, и с концами. Потом рыбаки тоже. Прошлым летом. Уехали впятером как раз в эту сторону. Грузовик-то нашли, ты понял. Москвичей тех, что я отвез, вообще с милицией искали. Неделю искали, ты понял. Меня на допрос таскали, а я что? Я — до повёртки, дальше ни-ни. Тогда уже пастуха с подпаском заели где-то там, дальше, за Горелым Бором.
- Не похоже на волков... — пробормотал Лузгин.
- Какие волки, мил человек? Волки! Двоих мужиков заели, коров не тронули — ничего себе вол-

ки, ты понял! А в городе? В городе что, тоже волки шуруют? Менты все прошлое лето собак бродячих отстреливали. Как бы они вроде людей грызли. Ну, отстреляли. А этим летом та же херня. Бешеные собаки, ты понял. Ага, так мы и поверили. Не знаю, что там у вас в Москве на этот счет говорят...

— В Москве я ничего подобного не слышал.

— И про новое бешенство?

— Не-ет...

— Люди кусаться начинают, — сообщил дед, заметно понизив голос, насколько позволили дребезг и пуканье «Запорожца».

— Ах да, — вспомнил Лузгин. — Мне на вокзале мент говорил.

— Тебе мент сказал, а я своими глазами видел.

— Чего?! — подыграл Лузгин, в свою очередь понижая голос.

— Не чего, а кого. Бешеных, — важно заявил дед.

— И много?

— Не веришь, да? Много не много, а парочку видел. Рожки белые, пасть в кровянице, глаза выпучены... А я на рыбалку двинул затемно и по дороге их чуть не сбил, ты понял. На выезде из города, вот где промзона начинается — ну, знаешь. Хорошо, ночь лунная была, у меня фары-то не особо того. Гляжу — идут двое мне навстречу, шатаются, как пьяные, не видят ни хрена. Страшные, оборванные все, у девки сиськи наружу...

Тут дед надолго замолчал.

— А может, и правильно, что не веришь, ты понял, — сказал он наконец. — Сам не верю. Я тогда дальше-то еду, думаю, не перекреститься ли, ни хрена себе рыбалка начинается, и вижу — собака! Здоровая, черная. По обочине чешет в ту же сторону. Метров за триста позади от тех. А за собакой еще

чуть позади мужик. В черном плаще длинном, до самой земли, ты понял. С капюшоном. Смотрю — ко-са есть, нет? Вроде нет у него косы. Тут уж и вправду перекрестился. А все одно клева не было вообще, ты понял.

Лузгин ошарашенно молчал.

— Погнали, называется, советскую власть, — сообщил дед. — Надоела она им, ты понял. Мне она тоже, прямо скажем, не особо нравилась. Но при советской власти не было такого. На днях, я слышал, опять бабу загрызли под Филином. Вторую уже. Ты это, через Филино напрямик не ходи, ты понял, в обход бери вдоль озера, по старой дороге. Там мужики любого чужого застрелят на хер без разговоров. Знают тебя в Филино? А все равно не ходи, они же киряют вчерную. Раньше по безделью, теперь от испуга. С залитых глаз точно завалят...

Лузгин смотрел на дорогу и мучительно соображал. Может быть, впервые в жизни он не знал, что спросить. А ведь с детства был любопытен, недаром работу выбрал — сплошные расспросы и поиск истины.

— Собаки бешеные! — сказал дед с выражением. — Допустим, с собак все началось, я не возражаю, ты понял. Но дальше одними собаками не обошлось. Хотя ты и собак тоже бойся. Ты как лесом пойдешь, всего бойся. В городе вроде ясно, кого бояться. А в лесу какое говно лазает, не разбери-поймешь. Второе лето хер знает что творится. Раньше хоть понятно было, куда жаловаться...

«Запорожец» сбавил ход. Слева впереди, в плотной стене леса, виднелась рваная прореха. А справа — покосившийся указатель «На Зашишевы», облезлый и в дырках от сквозной ржавчины. Надпись читалась с трудом.

— Дальше не повезу, даже не надейся, — сказал дед, притормаживая.

Лузгин глядел налево. Еще позапрошлым летом в глубь леса уходил вполне приличный укатанный грейдер, по нему можно было гнать и под сотню, если машину совсем не жалко. Ну, дорога осталась дорогой. Только крайне запущенной, с осыпавшимися, заросшими травой обочинами и заметной грузовой колеёй посередине.

— Не надеюсь, — вздохнул Лузгин, протягивая деньги.

— Ружье собери и заряди, — распорядился дед. — Картечью. А лучше пульей, ты понял.

— Хватит меня запугивать, — попросил Лузгин, выбираясь из машины. — Я и так уже едва дышу.

— Живее будешь, — дед откинул спинку правого сиденья, помогая Лузгину достать рюкзак и чехол с ружьем. — Да, это... Привет Ерёме от меня, ты понял. Скажи, зимой приеду на мормышку ловить.

— А зимой что, в Зашишевы не страшно?

— Зимой тут везде глухо, — сказал дед. — Как в танке.

И сам захлопнул дверь, отгораживаясь от Лузгина уже окончательно.

— Вас зовут-то как? — спросил Лузгин, но дед уже разворачивал дребезжащий «Запорожец».

— Никак, — понял Лузгин.

* * *

Для начала он помочился на обочину. Потом закурил сигарету и поглядел на часы. Полдень. Если ничего страшного не произойдет, к Зашишевы можно выйти около шестнадцати. Лузгин вытащил из чехла помповую гладкостволку и ловко собрал ее

на весу. Присел в задумчивости над рюкзаком. Боеприпасы он упаковывал бессистемно, не глядя, и в каком углу рюкзака затерялась коробка с двадцатью патронами, снаряженными дробью «три ноля», никак не мог вспомнить.

— Бред, — сказал Лузгин, вскрывая клапан.

— Паранойя, — добавил он заметно громче через минуту-другую.

— И всё-таки! — провозгласил он в полный голос еще несколькими минутами позже, заряжая подствольный магазин.

За все это время по асфальту не проехало ни одной машины.

Лузгин передернул затвор, щелкнул предохранителем и дозарядил ружье еще одним патроном.

Он в общем-то не чувствовал страха. Но Лузгин прекрасно знал, что местные не боятся ни волков, ни медведей, ни бешеных собак, ни белой горячки. Этого добра в округе испокон веку было хоть задом ешь. Местные опасались только милиции, да и то по причинам отнюдь не метафизического, а самого что ни на есть материального свойства. В пригнобительные советские времена народ постоянно что-то воровал — не от хорошей жизни, конечно, — и до сих пор сохранил перед людьми в погонах атавистический ужас. Да и милиция тут всегда была насквозь коррумпированная, эдакая сама себе мафия, и кого угодно могла посадить за что угодно или вовсе ни за что.

Короче говоря, если местные вздумали чего-то всерьез бояться, значит, оно пострашнее милиции будет. Выходит, и самому немного побережься не зазорно.

С этими невеселыми мыслями Лузгин навьючил на себя рюкзак, приспособил ружье на одно пле-

чо и зашагал по грейдеру, держась самой его середины.

Через два часа, обходя берегом озера потенциально опасное для жизни село Филино, он наткнулся на бешеную собаку.

Небольшого роста черная с рыжим псина, некогда лохматая, а теперь облезлая, трусила Лузгину навстречу по узкой тропинке.

Запаленное дыхание и вся морда в пене.

Лузгин сполз с тропинки задом, выставив перед собой ружье.

Собака покосилась на человека мутным заплывшим глазом и, хрипя, будто загнанная лошадь, пробежала мимо.

— С-с-сука! — прошипел Лузгин ей вслед, защелкивая предохранитель.

Хвост удаляющейся собаки весело торчал вверх.

Лузгин сам уже шел в одной рубашке и все равно потел. А каково было по жаре псу, хоть и облезлому... Тут не то что вспенишься — закипишь.

— Бля! — выдохнул Лузгин, доставая трясущейся рукой сигареты и ощущая всем телом, как бешено колотится сердце.

Больше он до самого Зашишевья никого не встретил.

* * *

К концу дороги Лузгин совершенно запарился и похудел минимум на килограмм. Можно было, конечно, по пути окунуться в три озера и две речки, но не терпелось поскорее добраться до места и выяснить, что за аномалия там приключилась. Большое и удивительно чистое Шишево, вдоль которого село лежало, и то Лузгина не соблазнило — он наспех голлову в воду окунул с мостков да шею намочил. В это